

Я не *любила раньше* черный хлеб.
Я прятала его в халате.
Но как-то мама рассказала мне
О голоде в блокадном Ленинграде.
Я девочку представила себе,
Что оказалась в длительной Блокаде.
И почему-то стало страшно мне –
Я словно очутилась в Ленинграде.
Как холодно... Картон вместо стекла.
И тихо так. Скрипят лишь двери.
Давно замерзла в чайнике вода,
А *хлеба* нет уж две недели.
Она живет без света и тепла.
И папы с мамой нет уж рядом.
Теперь она обходит зеркала,
Чтоб своего не испугаться взгляда.
От довоенной девочки сейчас
Осталась тень... Еще – глаза и скулы.
А вместо радостного голоска
Слышны здесь самолетов гулы.
Ее не гладит мама по утрам,
Не заплетает в косы ленты алы.
Теперь в ее косичках седина,
А ей вчера всего лишь восемь стало.
Как голодно... Как сладко засыпать
И видеть там, во сне, кусочек *хлеба*.
Вдыхать его вкуснейший аромат
И подниматься к маме... в небо.
Такое я представить не могла.
Мне крикнуть захотелось в небо:
– Я съем кусочек *хлеба* за тебя!
Вернись! Живи! Ты слышишь? Где ты?
С тех пор, как я представила себе
Ту девочку в блокадном Ленинграде,
Я *полюбила* вкусный черный хлеб.
Его не прячу больше я в халате.